

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 5

Сентябрь – Октябрь 2001

Том 7

Москва

Ядерный Контроль. № 5. Сентябрь – Октябрь 2001

Содержание

Редакционная статья	3
Необычная война	
Горячая тема	4
Владимир Орлов, Роланд Тимербаев. Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности	
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	11
В России. Из досье по обычным вооружениям	27
В России. Из досье по химическому и биологическому оружию	28
В мире	29
Дума и контроль над вооружениями	32
Интервью	40
Сергей Загидуллин: «Российский ядерный комплекс и Государственная Дума: проблемы и перспективы»	
Анализ	
Анатолий Шевцов, Алексей Ижак. Циклы расширения НАТО	43
Игорь Рыбальченко. Контроль за нераспространением химического оружия: Международный межлабораторный квалификационный эксперимент	56
Комментарий	61
Валерий Семин. О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения	
Обзор	66
Евгений Горьковский. Образование в области разоружения: требуется активизация усилий	
Страницы истории	72
Фидель Кастро Диас-Баларт. Ядерный путь Кубы	
Сообщения	
Об общей конференции Европейского консорциума политических исследований	81
О международной конференции «Интернет для всех – равные возможности в сети»	81
О ежегодной сессии Генеральной конференции МАГАТЭ	81
Перспективы развития ГНЦ ВВ <i>Вектор</i>	82
Новости ПИР-Центра	85
Summary	88
Об авторах	91

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****ISSN 1026-9878****№ 5 (59), Том 7****Сентябрь – Октябрь 2001****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакционная коллегия:**

Дмитрий Евстафьев

Василий Лата

Евгений Маслин

Владимир Орлов

Роланд Тимербаев

Юрий Федоров

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор

Карина Фуралева, технический редактор

Дмитрий Поликанов, редактор английского издания

Дмитрий Ковчегин, корреспондент

Елена Полидва, секретарь редакции

Людмила Контява, корректор

Вячеслав Зайцев – бухгалтерия

Виктор Меримсон – производство

Олег Кулаков – компьютерное обеспечение

Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 103001, Москва,

Трехпрудный пер., д.9,

редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7-095-234-0525

(многоканальный)

Факс: +7-503-234-9558**Представительство в Интернет****и электронная версия журнала (сокращенная):**<http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)fedorov@pircenter.org (полемика)kovchegin@pircenter.org (информация)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильносе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7-095-335-1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Vladimir Siluyanov +7-503-234-9558 (fax) or siluyanov@pircenter.org.

Тираж: 2500 экз.**Подписано в печать:** 25 октября 2001**Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда У. Олтона Джоунса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Фонда Плаушер и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

Юрий А. Рыжов, член Совета

© ПИР-Центр, 2001

Ядерный Контроль. № 5. Сентябрь – Октябрь 2001

Редакционная статья**НЕОБЫЧНАЯ ВОЙНА**

Широко развернувшаяся война против терроризма обещает быть тяжелой, длительной и во многом необычной. Бомбардировки военных объектов и высадки американского спецназа в Афганистане – лишь минимальная часть усилий по борьбе с экстремистами и фанатиками, избравшими террор, в том числе массовый, своим орудием. Подлинные истоки этой войны и, следовательно, ее смысл, цели, формы и методы намного сложнее, чем это можно предположить, судя по текущим сообщениям средств массовой информации.

Председатель британского Королевского института оборонных исследований сэра Майкл Александер, в частности, писал: «Эта война, помимо всего прочего, будет борьбой между имущими и неимущими, между теми сообществами и молодыми поколениями, которые чувствуют себя политически и экономически обделенными, с одной стороны, и теми, кто, выигрывая от существующего статус-кво, защищает свои традиции, принципы и удобства, с другой. [...] Напряженность, порождающая террористов в странах третьего мира, причем не только на Ближнем Востоке, подстегивается информационной революцией, которая делает для обездоленных еще менее возможным смириться со своим неравным положением».

И, действительно, война с терроризмом – это, по сути дела, гражданская война эпохи глобализации. Полями ее сражений являются не только ущелья и плоскогорья Афганистана или других регионов Юга, но и городские джунгли крупнейших метрополий Севера, в том числе российских. Победить терроризм военными и полицейскими методами невозможно. Для этого требуется ликвидировать порождающие его причины, в том числе преодолеть массовый разрыв между ценностями доиндустриального и постиндустриального миров, перспектива чего пока не просматривается. Более того, этот разрыв в ряде случаев углубляется. А потому, реальная цель сегодня – сдержать и заставить отступить экстремизм, максимально ограничить его преступные посягательства.

В борьбе с терроризмом не может быть двойных стандартов и исключений. Нельзя вести войну с Аль-Каидой и, одновременно, закрывать глаза на действия ирландских, колумбийских, палестинских, чеченских и иных террористов любой политической окраски – кроваво-красной, зеленой или черной. В этой войне не может быть компромиссов, ибо культура политического компромисса несовместима с культурой политического экстремизма, лозунг которого «победа или смерть».

Недвусмысленно поддержав американскую антитеррористическую операцию, президент Владимир Путин сделал очень непростой выбор. Он поставил общие с США интересы выше имеющихся разногласий, сколь бы значимыми последние не казались еще несколько месяцев назад. Но самое важное заключается в том, что он, по сути дела, обозначил место России на геополитической карте мира. Это означает разрыв с предыдущей внешнеполитической концепцией, предполагавшей, в частности, солидарность со всеми силами, борющимися с «формированием однополярного мира».

Однако вопрос, насколько устойчивой и длительной будет такая политика, пока что остается открытым. Антиамериканские настроения части российской элиты имеют достаточно глубокие корни. Среди них не только укоренившиеся в сознании идеологические мифы коммунистической эпохи, но и ностальгия тех групп, привилегированный статус которых был обусловлен конфронтацией, типичной для холодной войны. И если такого рода взгляды и интересы вновь станут доминировать в российской политике, она скатится к бесперспективному и беспринципному балансированию между экстремистами и фанатиками, с одной стороны, и противостоящими им силами, с другой. При этом она окажется чуждой и той, и другой стороне глобального конфликта. Более опасную ситуацию представить себе просто невозможно.

И, наконец, противостояние между терроризмом и современной цивилизацией – это, помимо всего прочего, противостояние между демократией и новыми версиями тоталитаризма. И поэтому абсолютно недопустимо жертвовать демократическими свободами и правами личности во имя безопасности и победы над террористами.

Горячая тема**ВРЕМЯ НАЛАЖИВАТЬ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ШИРОКОМУ СПЕКТРУ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ**

**Владимир Орлов
Роланд Тимербаев**

Образование широкой военно-политической коалиции по борьбе с международным терроризмом вносит качественно новый элемент во многие сферы международных отношений, позволяет, более того делает императивным, поиск путей решения тех проблем поддержания безопасности и стабильности, которые продолжают отягощать отношения между Россией и Соединенными Штатами, несмотря на объявленное еще более десяти лет назад прекращение *холодной войны* между ними. На редкость стремительное сплочение усилий государств по противодействию терроризму создает небывалые доселе возможности для того, чтобы столь же оперативно приступить к расчистке тех завалов, которые накопились в области стратегических вооружений. И упустить возникший сейчас уникальный шанс было бы просто непростительно.

Но для этого следовало бы учитывать следующее. В течение более трех десятилетий, с самого начала переговоров по стратегическим вооружениям, и США, и СССР/Россия исходили из неразрывной связи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, справедливо считая, что стратегическая стабильность определяется необходимым балансом между теми и другими. Концепция эта была первоначально разработана в недрах американского военно-политического истеблишмента, и ее стали по разным каналам подбрасывать советскому руководству начиная с 1965–1966 годов. Но оно далеко не сразу – только примерно в 1970 году стало ее воспринимать всерьез. Это и позволило договориться в 1972 году о соглашениях ОСВ-1, включавших Договор по ограничению систем ПРО, Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны и Соглашение о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР–США.

В 1983 году позиция США изменилась после того, как президент США Рональд Рейган

выступил со Стратегической оборонной инициативой (СОИ). Идея ракетонепробиваемого щита была скорректирована, когда в 1989 году президент Джордж Буш трансформировал СОИ в значительно более скромную программу – «Глобальную защиту от ограниченных ударов». Тем не менее, создание оборонительной системы даже ограниченного характера повлияло бы на стратегическое соотношение сил, так как такая система могла бы нейтрализовать какую-то часть межконтинентальных баллистических ракет другой стороны.

И, тем не менее, до начала нынешнего столетия обе стороны в целом придерживались парадигмы взаимосвязи. Хотя при Билле Клинтоне в США уже вновь стали строить планы развертывания *ограниченной* НПРО, договор по ПРО во всех основополагающих двусторонних документах по-прежнему продолжал провозглашаться «краеугольным камнем стратегической стабильности». Да и в первых заявлениях Джорджа Уокера Буша, еще в бытность его кандидатом в президенты, и после избрания на этот пост, хотя и говорилось о целесообразности «продвигаться за рамки договора по ПРО» и важности разработки «нового стратегического формата» (*framework*), одновременно подчеркивалась «приверженность сокращению уровней стратегических ядерных вооружений до как можно более низких потолков». В этих заявлениях определенный элемент взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений, следовательно, присутствовал.

В то же время г-н Буш объявил о стремлении «избежать длительных переговоров по заключению договоров», высказавшись за сокращение наступательных вооружений путем односторонних инициатив. И с российской стороны было заявлено, что хотя гораздо более предпочтительным является традиционный путь заключения юридически обязывающих и контролируемых договоров, Россия готова, как заявил президент Владимир

Путин, осуществлять сокращения «совместно или параллельно», при этом называлась цифра в 1500 единиц или даже более низкая.

В целях содействия администрациям обеих стран по разработке «нового стратегического формата» в условиях окончания *холодной войны* и перехода к подлинному партнерству в этой сфере международных отношений две неправительственные организации – Фонд Карнеги за международный мир (США)¹ и ПИР-Центр политических исследований (Россия) предприняли попытку, с участием двусторонней группы экспертов, выработать рекомендации для представления правительствам РФ и США.

Предложения по указанным вопросам явились итогом серии обсуждений, проведенных в Москве, Лондоне, Вашингтоне и еще раз в Москве в январе–июле нынешнего года, в которых в целом приняли участие более восьмидесяти российских и американских правительственных и неправительственных экспертов. Они были высказаны в ходе обстоятельного диалога, состоявшегося на этих семинарах, но они не являются рекомендациями, основанными на консенсусе.

Участники согласились, что Соединенным Штатам и России следует работать над новым форматом стратегического сотрудничества, как это обсуждалось в ходе встреч между президентом Джорджем Бушем и президентом Владимиром Путиным. Однако участники также подчеркнули, что обе стороны должны «сохранить те аспекты нынешней системы, которые гарантируют стабильность в процессе перехода к новому стратегическому формату». С учетом этого они говорили о необходимости *поэтапного* подхода. Возможная структура этих этапов основывалась бы на следующих подходах:

Во-первых, хотя новые ядерные сокращения и необязательно будут основаны на немедленном начале переговорного процесса, они должны быть скоординированы и заранее обсуждены между обеими сторонами и, по возможности, совместно объявлены обоими президентами. Это придаст уверенность международному сообществу, что новые сокращения укрепят позитивные отношения между обеими державами. Подобные скоординированные односторонние сокращения ядерных вооружений должны быть закреплены в течение разумного периода времени юридически обязывающим

соглашением, пусть даже и весьма кратким и простым по содержанию.

Во-вторых, обеим сторонам следует приступить к постоянному диалогу с целью выработки нового формата стратегических отношений. Этот диалог должен проводиться на высоком, но экспертном уровне, включая как официальных, так и, возможно, неофициальных представителей обеих сторон. Предметы обсуждения могут включать:

- возможную дальнейшую судьбу договора по ПРО;
- будущее действующих соглашений по сокращению стратегических вооружений и цели СНВ-3;
- ядерные доктрины и политику обеих стран, включая создание, модернизацию и эксплуатацию вооружений.

В-третьих, начальная точка перехода к новым стратегическим отношениям – нынешняя ситуация, когда отношения стратегической стабильности регулируются формальными соглашениями по контролю над вооружениями. Конечной точкой является будущее, когда стратегическое ядерное сдерживание и контроль над вооружениями все еще могут оказывать какое-то остаточное влияние на отношения, но акцент будет в гораздо большей степени делаться на *сотрудничество* в стратегических вопросах. Подобное сотрудничество может включать совместную работу над ПРО, управление и контроль над ядерными вооружениями, а также более широкие усилия, направленные на предотвращение распространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Именно условная конечная точка должна будет представлять собой новый формат стратегического сотрудничества. Однако промежуточные остановки на пути достижения этого формата будут также иметь существенное значение, и они будут определять, будет ли весь процесс иметь успех. Можно было бы рассмотреть следующие этапы переходного периода.

Этап 1:

- Совместное заявление президентов о том, что стратегические наступательные вооружения и противоракетная оборона не должны угрожать стратегическим силам другой стороны. Обе державы будут совместно работать с целью поэтапного продвижения к отношениям, когда они не будут более угрожать друг другу.

- Скоординированные односторонние сокращения стратегических ядерных сил, которые позволили бы ускорить переговорный процесс СНВ. Хотя президент Джордж Буш пока не принял решения об уровнях сил США, эти сокращения могут достичь уровня в 1500 боезарядов, или даже ниже – как это и предлагал президент Владимир Путин.
  - Более энергичные усилия по отходу от вызывающей озабоченность практики, сохранившейся с времен *холодной войны*, включающей развертывание стратегических ядерных вооружений в состоянии высокой боеготовности. Уже в скором времени можно было бы добиться успеха посредством деактивации стратегических систем и создания совместного центра раннего предупреждения. Следовало бы рассмотреть и дополнительные шаги по дальнейшему расширению сотрудничества в области раннего предупреждения и понижения уровня боеготовности на стартовых позициях.
  - Сотрудничество в области противоракетной обороны позволило бы приступить к процессу укрепления доверия между обеими сторонами в том, что система ПРО одной из сторон не угрожает стратегическим наступательным силам другой стороны. Подобное сотрудничество, начавшееся с упомянутого выше совместного заявления президентов, может быть продолжено на первом этапе посредством совместного рассмотрения угроз. Оно может включать обсуждение технологий ПРО театра военных действий (ТВД), как это было предложено президентом Владимиром Путиным в его инициативе, адресованной НАТО. Кроме того, возможно и совместное рассмотрение отдельных предлагаемых технологий.
  - Скорейшее рассмотрение вопроса о том, каким образом договор по ПРО может быть адаптирован с тем, чтобы обе стороны могли быть по-прежнему уверены в том, что их стратегические наступательные вооружения не находятся под угрозой. Поскольку пока неизвестно, какие именно системы ПРО будут развернуты, всеобъемлющее обсуждение будущего договора по ПРО будет пока невозможно, однако можно рассмотреть внесение отдельных поправок с целью разрешить некоторые виды деятельности. Кроме того, потенциальное использование договора в качестве инструмента укрепления совместного доверия в процессе развертывания противоракетной обороны следует обсудить уже сейчас.
- Некоторые эксперты высказали мнение, что многие элементы первого этапа могут быть реализованы до конца 2002 года.
- Этап 2:
- Соглашение о юридически обязывающих мерах, имеющее целью укрепить и гарантировать бесперебойное выполнение односторонних сокращений, которые должны начаться в ходе первого этапа. Хотя на ранних стадиях переходного процесса важные изменения в стратегических отношениях будут реализовываться, в основном, в одностороннем порядке, уже вскоре после начала их осуществления эти изменения было бы полезно закрепить юридически обязательным документом. Это не должно потребовать проведения сложных переговоров. Юридически обязательный документ может представлять собой адаптированный вариант действующего соглашения (например, упрощенный Протокол по инспекциям договора СНВ-1), или новое соглашение, которое также следует сделать максимально простым (например, *облегченный* договор СНВ-3).
  - Создание совместного механизма военного и военно-промышленного планирования с целью обеспечения взаимного доступа к теориям и программам каждой стороны в данных областях. Такой подход позволит сконцентрироваться на расширении роли совместного военного и военно-промышленного планирования, а также приступить к более широкому обмену оценками характера угроз, технологиями и т.д. Здесь было бы необходимо рассматривать как наступательные, так и оборонительные технологии.
  - Продолжение использования механизма диалога на высоком уровне с целью урегулирования долгосрочных озабоченностей в области стратегических отношений. В ходе этого диалога могут рассматриваться вопросы, связанные с возвратным потенциалом и обратимостью сокращений, статусом нестратегических ядерных вооружений, распространением ОМУ, угрозами, которые некоторые системы (высокоточное оружие или крылатые ракеты морского базирования)

создают для национальных сил, а также опасения по поводу *случайной войны*. Эти вопросы можно было бы разрешить либо посредством расширения мер транспарентности и укрепления доверия (для сил, по-прежнему развернутых в боевом составе), либо путем прекращения выполнения ими боевых задач и уничтожения вооружений, либо методом принятия определенных политических решений (например, совершенствование законодательства в сфере экспортного контроля).

- Начало реализации совместного проекта в области технологий ПРО. Это может быть проектом, детально рассматривающим, каким образом современная технология может быть эффективно развернута (например, развертывание С-300 как элемента системы ПРО ТВД НАТО). Возможен и альтернативный вариант – реализация проекта, предусматривающего совместную разработку технологий, которые были определены в качестве перспективной на первом этапе.
- Определение характера процесса адаптации договора по ПРО. По мере того, как станет более ясной эффективность различных технологий ПРО, и будут приняты решения о развертывании, стороны могут принять решение определить и будущее договора по ПРО. Один из вариантов заключается в том, что документ будет адаптирован таким образом, чтобы по-прежнему обеспечивать уверенность обеих сторон в том, что ПРО не угрожает их стратегическим наступательным вооружениям. Согласно другому варианту, стороны могут решить, что им требуется документ иного типа, например, всеобъемлющее соглашение по сотрудничеству в развертывании противоракетных систем, а не договор, предотвращающий такое развертывание. В третьем варианте оба государства могут принять решение реализовывать свои программы параллельно, при наличии мер транспарентности в отношении программ друг друга.

Многие из элементов второго этапа, по мнению ряда участников обсуждений, могли бы быть реализованы в течение двух лет после завершения выполнения первого этапа (то есть к концу 2004 года). Но реализация некоторых других может продолжаться и на третьем этапе.

Этап 3:

- Дальнейшие сокращения стратегических наступательных вооружений до уровней ниже 1000 боезарядов у каждой из сторон. Этот процесс должен включать согласованные меры транспарентности в отношении ликвидации стратегических и нестратегических боезарядов и средств доставки, хотя на этом этапе юридически обязывающего соглашения может и не потребоваться.
- Вовлечение других стран, проводивших ядерные испытания², в процесс сокращений. Эти страны можно вовлечь в обсуждение данных вопросов на первом и втором этапах, но реальные сокращения их сил могут начаться только после того, как Соединенные Штаты и Россия завершат свои значительные сокращения.
- Постепенная эволюция совместного военного и военно-промышленного планирования в сторону обычного, рутинного элемента двусторонних отношений. Это может включать совместное производство вооружений и широкомасштабное взаимодействие между военной промышленностью России и стран НАТО.
- Широкомасштабный совместный проект или проекты с целью развертывания противоракетной обороны на ТВД или на национальном уровне. К этому времени разногласия относительно договора по ПРО должны быть разрешены.

Вероятно, осуществление третьего этапа могло бы занять четыре–восемь лет после завершения второго этапа (то есть он мог бы быть реализован к 2008–2012 годам).

Меры транспарентности и укрепления доверия должны применяться с целью предоставить постоянный канал наблюдения за деятельностью обеих стран в переходный период, и будут сохранять свое значение на каждом из его этапов. Значительный уровень транспарентности уже существует в рамках процесса верификации и мониторинга соглашений по контролю над вооружениями, а также других программ, как, например, по Совместному уменьшению угрозы (СУУ), которая предоставляет Соединенным Штатам доступ к российскому ядерному комплексу. Особый, не на основе взаимности, доступ к российским ядерным объектам, которым в настоящее время располагают США в результате реализации помощи по программе СУУ, на определенном этапе должен быть

сбалансирован каким-либо *компенсирующим* доступом России к американским ядерным объектам. Согласно одному из вариантов, российские компании могли бы участвовать в процессе работ по уничтожению вооружений на ядерных предприятиях США (по аналогии с деятельностью американских компаний на российских предприятиях в настоящее время).

Возможна выработка дополнительных мер транспарентности по мере того, как будут улучшаться отношения в целом. Это также поможет разрешить такие вопросы длительных разногласий, как ситуация с развертыванием российских и американских нестратегических ядерных вооружений или крылатые системы морского базирования США. Однако в конечном итоге формальная транспарентность будет все менее необходима по мере расширения обоюдного доступа и взаимного сотрудничества.

Хотя по тем или иным частным вопросам между экспертами двух стран полного согласия достигнуто не было, да и задача такая не ставилась, главное в изложенных предложениях это то, что они основаны на принципе обеспечения двустороннего *сотрудничества* в стратегической области и на важности *постепенного* перехода к новому миропорядку в этой сфере. Рекомендации экспертов были переданы высокопоставленным представителям правительств обеих стран, и хотя непосредственной реакции от них не поступило, можно полагать, что они были рассмотрены. Мы убеждены, что нынешняя обстановка и появившиеся в последнее время новые возможности для конструктивного диалога делают это еще более актуальным.

После встречи двух президентов в Генуе в июле с.г., на которой они в совместном заявлении объявили, что наступательные и оборонительные системы являются *взаимосвязанными* вопросами, между сторонами развернулись интенсивные консультации по проблемам оборонительных и наступательных вооружений. Состоялось уже несколько встреч на различных уровнях. Но хотя каких-либо совместных содержательных заявлений о ходе консультаций не появлялось, судя по сообщениям прессы и отрывочным высказываниям отдельных официальных представителей США и России, эти консультации не выявили пока что сближения сторон по обсуждаемым на них вопросам огромной важности, которые не могут не

волновать широкие круги общественности не только в России и Соединенных Штатах, но и в других странах.

Более того, администрация Соединенных Штатов продолжает тянуть время, несмотря на то, что Москва не раз давала понять, что готова проявлять гибкость во имя решения существующих проблем на взаимно конструктивной основе. Если ранее предполагалось, что речь пойдет о некоторых изменениях в договоре по ПРО, не выходящих его существо, и о значительных сокращениях стратегических наступательных вооружений, то после августовского визита в Москву министра обороны США Дональда Рамсфельда и некоторых высказываний президента Джорджа Буша сложилось впечатление, что в американском подходе появились заметные изменения.

Речь, судя по всему, пошла уже о прекращении действия договора по ПРО и даже чуть ли не о возможном одностороннем выходе из него США. Что же касается обещанных г-ном Бушем существенных сокращений наступательных вооружений, то этот вопрос как будто стали вообще задвигать на задний план³. Дональд Рамсфельд предложил Конгрессу США ограничиться весьма скромными сокращениями – демонтировать к 2007 году 50 ракет *Peacekeeper* или *MX*, сократить количество бомбардировщиков *B-1B* с 93 до 60 и перевести на обычные боезаряды две атомные подлодки класса *Ogayo* из действующих 18, которые способны нести по 192 ракеты с ядерными боеголовками⁴. Правда, хорошо осведомленные относительно планов администрации США специалисты все же считают, что Джордж Буш объявит в течение ближайших месяцев об одностороннем сокращении стратегических вооружений до 2500 единиц, а, возможно, и ниже⁵.

Планы администрации Джорджа Буша по испытанию и последующему развертыванию НПРО встречают, однако, далеко не однозначную реакцию в Конгрессе США. Между демократами, получившими большинство в Сенате, и республиканцами развернулась поистине драматическая баталия по поводу планов НПРО. Новый председатель сенатского комитета по иностранным делам демократ Джозеф Байден так выразил отношение к ним свое и своих единомышленников: «Буквально все, включая отношения с Россией и Китаем, и даже

отношения с НАТО, рассматривается через призму противоракетной обороны. Но это опасно и потенциально может привести к катастрофическим последствиям. Это ослабит США, ослабит НАТО, ослабит нашу способность противостоять реальным угрозам»⁶. Однако после трагических событий 11 сентября демократы решили все же на данном этапе не форсировать дебаты по проблеме НПРО и согласились с предложенными администрацией ассигнованиями на работы по противоракетным системам.

Как все же следует понимать угрозу США о выходе из договора по ПРО? Что это – ультиматум, банальный блеф, часто применяемый на дипломатических переговорах, чтобы добиться более выгодных условий, или же просто проявление непрофессионализма неопитов в политике? Совершенно очевидно, что ультиматум вряд ли уместен на переговорах с российской стороной.

Министр обороны России Сергей Иванов подчеркнул в сентябре, что Россия, в принципе, не против модификации договора по ПРО. Таким образом, путь к компромиссу не отсекается. Для России было бы неприемлемым, однако, если бы многочисленные и затягивающиеся двусторонние консультации стали ширмой для *тихого*, но решительного выхода США из договора. Россия не намерена благословлять разрушение договора. Если ситуация начнет разворачиваться именно таким образом, наверное для России вернее было бы не разделять моральную ответственность за похороны договора, четко указав на то, что у него только один могильщик. В таких условиях России придется, конечно, пересмотреть свой взгляд на незыблемость имеющихся соглашений по контролю над вооружениями. И если Договоры о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и СНВ-1, а также Договор об обычных вооруженных силах в Европе, конечно, не будут Россией каким-либо образом ревизованы, то в части недоратифицированного (не Россией!) и не ступившего в силу договора СНВ-2 Россия имеет поле для маневра, в том числе и в вопросе об разделяющихся головных частях на своих межконтинентальных баллистических ракетах. Но такой поворот событий может поставить под вопрос весь комплекс договоренностей по контролю над вооружениями, не говоря уже о том, что будет

поставлен крест на перспективах дальнейшего договорного процесса.

Президент Владимир Путин в интервью немецкой телекомпании *ARD* 19 сентября сказал, что если наши американские партнеры примут решение о выходе из договора по ПРО и проинформируют нас за полгода, как это предусмотрено в самом договоре, «мы в этом случае не будем устраивать никакой истерики». «Но мы полагаем, – продолжал он, – что это было бы ошибочным шагом. И вот почему. Сегодняшняя система международной безопасности в значительной мере базируется на Договоре о противоракетной обороне 1972 года. С ним связан договор СНВ-1, с ним связан договор СНВ-2, который мы ратифицировали. Наши американские партнеры пока, к сожалению, нет. С ним связан целый ряд других международно-правовых обязательств [...] в сфере международной безопасности, примерно 30 договоров и соглашений. Это в одночасье будет разрушено. [...] Мы полагаем, что это ошибка. Нашим собственным национальным интересам большого ущерба от выхода американцев из договора по ПРО не будет, потому что Россия в ближайшие лет 30 точно сможет обеспечить свою безопасность. Мы это знаем, наши американские партнеры это знают. Позиция России защищает, скорее, не свою собственную безопасность, а позиция России исходит из необходимости бережного отношения к международной структуре, к международной архитектуре безопасности, которая сложилась на данный момент».

Как будто стали появляться признаки того, что по ту сторону Атлантического океана стали более внимательно прислушиваться к ритму сегодняшней жизни, к возникающим потребностям и возможностям нынешнего этапа международных отношений. Помощник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс, выступая 4 октября на годовом собрании Американско-российского делового совета, заявила, что США стремятся развивать взаимодействие с Москвой по проблемам безопасности, включая «нарастающую угрозу от баллистических ракет и возможность распространения оружия массового уничтожения». «Думаю, что дискуссии по этим вопросам получат новый импульс», – заявила советник президента. «В то же время, – подчеркнула она, – США хотели бы, чтобы диалог с Россией не ограничивался только темой стратегической стабильности, а носил гораздо более широкий характер». По ее словам, экономика, торговля,

инвестиции могут стать главной составляющей «совершенно иных в своей основе отношений» между двумя странами.

Г-жа Райс подчеркнула, что надежда на установление именно таких отношений появилась после встреч президентов России и США в Любляне и Генуе, где они обсуждали возможность расширения областей сотрудничества в период после *холодной войны*. С того времени они стремятся обновить повестку дня отношений между США и РФ, сказала она, а события 11 сентября придали этому новый импульс⁷.

Определенное движение вперед наметилось на встрече двух президентов в Шанхае 21 октября, в ходе которой Джордж Буш заявил, что США сократят ядерные силы до той степени, которая необходима для сохранения мира, учитывая реалии XXI века⁸. В то же время он повторил, что «договор по ПРО устарел и надо посмотреть, можно ли от него отказаться»⁹.

Владимир Путин, со своей стороны, сказал: «Я полагаю, у нас есть понимание того, что мы сможем достичь договоренности (в вопросе о ПРО) с учетом национальных интересов России и США, а также с учетом необходимости укрепления международной стабильности в этой важнейшей сфере». По его оценке, «в вопросах ПРО мы (Россия и США) продвинулись несколько вперед». Вместе с тем, Владимир Путин подчеркнул, что Россия считает, что это (договор по ПРО) важнейший элемент стабильности в мире»¹⁰.

Новая встреча президентов России и США состоится в Вашингтоне и Кроффорде (штат Техас) 12–14 ноября. Хотелось бы надеяться, что возобладает путь разумного и взаимоприемлемого сотрудничества в обеспечении стабильности в мире, базирующейся на сохранении взаимосвязи между стратегическими оборонительными и наступательными вооружениями и на

неуклонно и необратимо сокращающихся запасах ядерного оружия. Сейчас появилась реальная возможность сделать правильный выбор.■

¹Со стороны Фонда Карнеги координаторами совместного проекта выступали Роуз Геттемюллер, Александр Пикаев и Джон Волфстел.

²На вовлечении в разоруженческий процесс других ядерных держав, в том числе и не признаваемых официально, настаивали некоторые российские участники совместного проекта, в частности, авторы настоящей статьи. Формулировка «проводивших ядерные испытания» включена по просьбе американских участников, для которых «израильский фактор», как известно, является весьма чувствительным. Впрочем, имеются достоверные сведения, что Израиль во всяком случае проводил субкритические эксперименты. Существуют также подозрения, что в 1979 году Израиль, возможно совместно с Южной Африкой, произвел атмосферный ядерный взрыв в южной части Индийского океана. Российские эксперты исходят из того, что Израиль безусловно должен принять участие в процессе ядерного разоружения. Как мы понимаем, и американские участники придерживаются такого же мнения.

³Miscommunication In Moscow. *New York Times*, 15 August 2001

⁴*Arms Control Today*, July/August 2001, p.24

⁵Такое предположение высказали посетившие ПИР-Центр 8 октября бывший министр обороны Роберт Макнамара и президент Союза юристов за глобальную безопасность (Lawyers Alliance for World Security) посол Томас Грэхем.

⁶*Los Angeles Times*, 10 September 2001

⁷*Итаp-Тасс*, 4 октября 2001

⁸Как сообщала *Washington Post* 22 октября, некоторые американские военные «хотят сохранить американский арсенал на уровне 2200–2500 единиц».

⁹РИА *Новости*, 21 октября 2001

¹⁰*Итаp-Тасс*, 21 октября 2001.